

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 1 (2022)

Содержание

В сфере административно-правовых отношений.....	3
вопросы обеспечения надлежащих условий содержания в местах лишения свободы (содержание лица в одиночном заключении, условия транспортировки лишенных свободы лиц)	3
практика Европейского Суда по правам человека	3
вопросы обеспечения надлежащих условий содержания в местах лишения свободы (использование наручников)	4
практика Европейского Суда по правам человека	4
вопросы обеспечения надлежащих условий содержания в местах лишения свободы (осуществление постоянного видеонаблюдения за лишенным свободы лицом)	6
практика Европейского Суда по правам человека	6
вопросы административного выдворения (защита прав несовершеннолетних)	7
практика Комитета ООН по правам ребенка	7
вопросы исполнения судебных актов о выселении	12
практика Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам.....	12
В сфере гражданско-правовых отношений.....	12
право на достаточное жилище (вопросы выселения).....	12
практика Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам.....	12
реализация лицом с ограниченными возможностями своей дееспособности в финансовых вопросах	23
практика Комитета ООН по правам инвалидов.....	23
право на компенсацию в случае незаконного лишения свободы	26
практика Европейского Суда по правам человека	26
В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений	27
право не подвергаться пыткам, иному бесчеловечному обращению (в аспектах применения сотрудниками правоохранительных органов пыток по отношению к обвиняемым, а также непроведения эффективного расследования по указанным фактам)	27
практика Европейского Суда по правам человека	27

право не подвергаться бесчеловечному обращению (нахождение лица в металлической клетке во время судебного заседания)	31
практика Европейского Суда по правам человека	31
право на свободу и личную неприкосновенность (вопросы незапротоколированного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, разумные сроки содержания под стражей, неоперативное рассмотрение жалоб на решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и/или о продлении срока нахождения под стражей, право каждого арестованного быть доставленным в срочном порядке к судье)	32
практика Европейского Суда по правам человека	32
право на справедливое судебное разбирательство в аспекте недопустимости использования доказательств по делу, полученных вследствие пыток, иного бесчеловечного обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов	33
практика Европейского Суда по правам человека	33
право на уважение частной и семейной жизни (вопросы осуществления контроля и записи телефонных и иных переговоров).....	34
практика Европейского Суда по правам человека	34

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «б» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

В сфере административно-правовых отношений

вопросы обеспечения надлежащих условий содержания в местах лишения свободы (содержание лица в одиночном заключении, условия транспортировки лишенных свободы лиц)²

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека (далее также – Европейский Суд, Суд) по жалобе № 48053/06 и по 7 другим жалобам по делу «*Успанов и другие против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 9 февраля 2021 года), которым установлены нарушения статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод

¹ В рамках настоящего обзора понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает международные договорные органы ООН, действующие в сфере защиты прав и свобод человека, а также Европейский Суд по правам человека.

² **Для сведения:** в 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию* (обновлено по состоянию на 1 ноября 2020 года).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrff.ru/documents/international_practice/29487/.

от 4 ноября 1950 года³ в связи с нахождением одного из заявителей в непрерывном одиночном заключении (более подробная информация об этом постановлении изложена ниже).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 28163/17 и по 3 другим жалобам по делу *«Никулин и другие против Российской Федерации»* (вынесено и уступило в силу 28 октября 2021 года), которым также установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением одному из заявителей, лишенному свободы, надлежащих условий транспортировки.

вопросы обеспечения надлежащих условий содержания в местах лишения свободы (использование наручников)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 29627/10 и по 8 другим жалобам по делу *«Коваль и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 5 октября 2021 года), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с постоянным надеванием наручников в безопасной обстановке, а также с использованием наручников во время перевозки.

Суд отметил (и это не оспаривалось сторонами), что суд в своем решении установил – обычное надевание наручников на заявителя во время его содержания под стражей было законным и основывалось на его статусе пожизненного заключенного и решении начальника этого следственного изолятора. Таким образом, Суд счел установленным – заявителю систематически надевали наручники во время его содержания под стражей (пункт 202 постановления).

Европейский Суд установил: заявитель был помещен под наблюдение только 27 марта 2017 года, но с 16 марта 2017 года⁴, когда он прибыл в следственный изолятор, на него надели наручники. Следовательно, можно

³ Далее также – Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция.

⁴ Как усматривалось из текста постановления, с 16 марта по 24 мая 2017 года заявитель содержался под стражей в следственном изоляторе. На протяжении всего периода его содержания под стражей надзиратели систематически надевали наручники на заявителя всякий раз, когда он выходил из своей камеры (пункт 62 постановления). 27 марта 2017 года начальник следственного изолятора принял решение поместить заявителя под наблюдение («профилактический учет») как заключенного, который мог скрыться либо напасть на сотрудников администрации учреждения или других сотрудников правоохранительных органов (пункт 63 постановления).

предположить, что, по крайней мере, в течение одиннадцати дней наручники надевались не из соображений личной безопасности, а из-за его статуса пожизненного заключенного. Решение о помещении заявителя под наблюдение было принято один раз, никакой переоценки поведения заявителя в течение периода, на который поступила жалоба, не проводилось. Суд также отметил следующее – в материалах дела отсутствовали доказательства какой-либо фактической оценки риска, проведенной либо администрацией следственного изолятора, либо городским судом, которая оправдывала бы обычное использование наручников на заявителе в течение длительного периода времени (пункт 204 постановления).

Суд ранее уже отмечал по аналогичному делу, что систематическое надевание наручников на заключенных в безопасных условиях без достаточных оснований может рассматриваться как унижающее достоинство обращение (пункт 205 постановления).

Суд не увидел причин отступить от этого вывода в данном деле и пришел к выводу: имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с систематическим надеванием на одного из заявителей наручников без достаточных оснований во время его содержания под стражей.

Суд также обратил внимание на то, что во время содержания под стражей в другом следственном изоляторе заявитель находился в наручниках только в дни слушаний в городском суде, период надевания наручников в каждом случае ограничивался временем, которое требовалось для транспортировки заявителя между следственным изолятором и городским судом (пункт 209 постановления).

Суд ранее уже устанавливал – использование наручников может быть оправдано в конкретных случаях, таких как перевод за пределы учреждения, и что такое надевание наручников само по себе в отсутствие каких-либо неблагоприятных последствий для здоровья заявителя, применения силы или публичного воздействия, превышающего то, что может быть разумно сочтено необходимым в данных обстоятельствах, не достигает минимального уровня тяжести, требуемого статьей 3 Конвенции (пункт 210 постановления).

Суд не увидел причин отступить от этой позиции в указанном деле и пришел к выводу: данная часть жалобы не раскрывает признаков нарушения статьи 3 Конвенции (пункт 211 постановления).

вопросы обеспечения надлежащих условий содержания в местах лишения свободы (осуществление постоянного видеонаблюдения за лишенным свободы лицом)⁵

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 29627/10 и по 8 другим жалобам по делу *«Коваль и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 5 октября 2021 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в отношении одного из заявителей в связи с постоянным видеонаблюдением во время лишения его свободы.

Суд отметил, что он уже устанавливал – национальная правовая база Российской Федерации, регулирующая помещение заключенных под постоянное видеонаблюдение в пенитенциарных учреждениях, не соответствует стандартам, изложенным в статье 8 Конвенции, и не обеспечивает надлежащей защиты от произвольного вмешательства властей в право задержанных на уважение их частной жизни (пункт 222 постановления).

Рассмотрев все представленные ему материалы, Суд не нашел ни одного факта или аргумента, способного убедить его прийти к иному выводу по данному делу (пункт 223 постановления).

⁵ *Для сведения:* в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/28123/.

вопросы административного выдворения⁶ (защита прав несовершеннолетних⁷)

практика Комитета ООН по правам ребенка⁸

Дело «*А.М. против Швейцарии*». Соображения Комитета по правам ребенка от 22 сентября 2021 года. Сообщение № 95/2019⁹.

Правовые позиции Комитета: Конвенция [о правах ребенка] признает взаимозависимость и важность всех прав (гражданских, политических, экономических, социальных и культурных) в предоставлении всем детям возможности развивать свои умственные и физические способности,

⁶ **Для сведения:** в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с защитой прав и свобод лиц при назначении им наказания в виде административного выдворения* (по состоянию на 1 августа 2018 года).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://supcourt.ru/documents/international_practice/27085/.

⁷ **Для сведения:** в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав несовершеннолетних в сфере гражданских и административных правоотношений*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/27105/.

⁸ Комитет ООН по правам ребенка действует на основании Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года (далее – Конвенция). Российская Федерация является государством – участником указанной Конвенции в качестве государства – продолжателя Союза ССР.

Согласно Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся процедуры сообщений, принятому Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2011 года, Комитет наделен компетенцией получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции, Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах, а также Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятые Резолюцией № 54/263 Генеральной Ассамблеи ООН.

По состоянию на 1 февраля 2022 года Российская Федерация не являлась участником Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося процедуры подачи сообщений.

⁹ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что права М.К.А.Х. (сына автора сообщения), предусмотренные в статьях 2 (пункт 2), 6, 7, 16, 22, 24, 27, 28, 29, 37 и 39 Конвенции будут нарушены государством-участником, если он будет выслан в Болгарию, где ему грозит реальная угроза бесчеловечного и унижающего достоинство обращения (пункт 3.1 Соображений).

индивидуальность и таланты в максимально возможной степени¹⁰ (пункт 9.6 Соображений).

В [3]амечании общего порядка № 6 (2005) [Комитета по правам ребенка] предусматривается – государства не должны возвращать ребенка в ту или иную страну, если имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность того, что ему может быть причинен непоправимый вред, например, но не исключительно, такой, какой оговорен в статьях 6 и 37 Конвенции; и что такие обязательства воздерживаться от принудительного возвращения (*non-refoulement*) применяются вне зависимости от того, совершаются ли серьезные нарушения прав, гарантированных в Конвенции, негосударственными субъектами и имеют ли такие нарушения целенаправленный характер или же являются косвенным следствием тех или иных действий или бездействия. Оценка степени опасности таких серьезных нарушений должна производиться с учетом факторов возраста и пола¹¹. Такая оценка должна проводиться в соответствии с принципом осмотрительности и в случае наличия обоснованных сомнений в том, что принимающее государство может защитить ребенка от таких угроз, государства-участники должны воздерживаться от депортации ребенка (пункт 10.4 Соображений)¹².

Одним из наиважнейших соображений, которые надлежит учитывать при принятии решений, касающихся депортации ребенка, должно быть обеспечение наилучших интересов ребенка и что такие решения должны приниматься в соответствии с процедурой, предусматривающей надлежащие процессуальные гарантии того, что после возвращения ребенка ему будет обеспечена безопасность и предоставлены надлежащий уход и возможности для осуществления его прав¹⁸. Комитет также напоминает: бремя доказывания не может возлагаться исключительно на автора сообщения, особенно потому, что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам и нередко лишь государство-участник располагает соответствующей информацией (пункт 10.5 Соображений).

Комитет считает, что психическое здоровье матери – главного человека для ребенка, осуществляющего за ним уход, – имеет важнейшее значение для гармоничного развития и выживания ребенка (пункт 10.8 Соображений).

Статья 12 Конвенции гарантирует право ребенка быть заслушанным в ходе любого затрагивающего его судебного или административного разбирательства. Комитет напоминает, что после того, как ребенок примет решение быть заслушанным, ему предстоит определить, каким образом он хочет быть заслушан: либо непосредственно, либо через представителя или

¹⁰ Комитет по правам ребенка, Замечание общего порядка № 15 (2013), пункт 7.

¹¹ Комитет по правам ребенка, Замечание общего порядка № 6 (2005), пункт 27; и Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Общая рекомендация № 32 (2014), пункт 25.

¹² См.: Дело «К.И.М. против Дании» (CRC/C/77/D/3/2016), пункт 11.8.

соответствующий орган. Кроме того, в этой статье не устанавливается какого-либо возрастного ограничения в отношении права ребенка выражать свои взгляды и что она не поощряет государства-участников к введению законодательно или на практике возрастных ограничений, которые ущемляли бы право ребенка быть заслушанным по всем затрагивающим его вопросам... [О]пределение наилучших интересов детей требует, чтобы их ситуация оценивалось отдельно, какими бы ни были причины, заставившие их родителей подать ходатайство о предоставлении убежища (пункт 10.11 Соображений).

Комитет отмечает, что «семья» по смыслу Конвенции означает целый комплекс структур, способных обеспечить ребенку младшего возраста уход, воспитание и развитие, включая нуклеарную семью, расширенную семью и другие традиционные или современные формы организации общинного уровня (пункт 10.12 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: были приняты к сведению утверждения автора о том, что государство-участник не приняло во внимание наилучшие интересы ребенка при рассмотрении ходатайства о предоставлении убежища в нарушение статьи 3 Конвенции. Комитет обратил внимание на утверждения автора о том, что их высылка в Болгарию нарушит права ее сына, М.К.А.Х., по статьям 3 (пункт 1), 6 (пункт 2), 22, 27, 28, 37 и 39 Конвенции, поскольку будучи ребенком, травмированным вооруженным конфликтом в Сирийской Арабской Республике, и вследствие своего статуса беженца, он не сможет получить в Болгарии поддержку, необходимую для достойной жизни, с доступом к образованию, жилью, медицинской помощи и социальной поддержке, необходимой для его социальной реинтеграции и реабилитации. Комитет также принял во внимание утверждения автора о том, что состояние ее собственного психического здоровья, включая тяжелые психические расстройства, нельзя рассматривать отдельно от состояния здоровья ее ребенка, так как она является единственным человеком, который мог бы обеспечить ему необходимый уход в Болгарии (пункт 10.2 Соображений).

В этой связи Комитет обратил внимание на приведенные автором и третьими сторонами сообщения о том, что в Болгарии нет программы интеграции бенефициаров международной защиты, которые сталкиваются с серьезными трудностями в доступе к жилью, занятости, социальным пособиям и медицинскому обслуживанию. Он принял, в частности, к сведению вышедший в октябре 2019 года доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, в котором говорится, что отсутствие адекватных условий приема и перспектив интеграции вынуждает многих просителей убежища покидать страну до рассмотрения их ходатайства или вскоре после предоставления убежища, что в Болгарии не существует адресных мер содействия интеграции и поддержки людей с особыми потребностями, и что угроза остаться без крова является

реальной. Комитет также учел решение Комитета ООН по правам человека в деле «*Р.А.А. и З.М. против Дании*», в котором Комитет счел возвращение супружеской пары и их ребенка в Болгарию нарушит их права по статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, поскольку они рискуют столкнуться с лишениями и нуждой, а отец не будет иметь доступа к необходимой ему медицинской помощи (пункт 10.6 Соображений).

Комитет указал следующее – при анализе ходатайства о предоставлении убежища государство-участник приняло во внимание тот факт, что Болгария является участником договоров, касающихся прав человека и защиты лиц, пользующихся дополнительной защитой, включая Директиву 2011/95/EU, но не учло должным образом многочисленные сообщения, указывающие на то, что риск бесчеловечного или унижающего достоинство обращения с детьми в ситуациях, аналогичных ситуации М.К.А.Х., является реальным. Комитет также отметил: государство-участник не приняло должным образом во внимание ситуацию М.К.А.Х. как жертвы вооруженного конфликта и просителя убежища, который, предположительно, подвергался жестокому обращению во время пребывания в Болгарии; и оно не попыталось предпринять необходимые шаги для проведения персонифицированной оценки риска, которому М.К.А.Х. подвергнется в Болгарии, проверив, какими на самом деле будут условия приема для него и автора, в том числе с точки зрения доступа к образованию, занятости, жилью, медицинской помощи и другим услугам, необходимым для физической и психологической реадaptации ребенка и его реинтеграции в общество. Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что граждане третьих стран могут прибегнуть к помощи благотворительных организаций в Болгарии. При этом он указал – поддержка благотворительных организаций – это не выполнение государством своих обязательств, а паллиатив (пункт 10.7 Соображений).

Комитет подчеркнул: когда автор и М.К.А.Х. подавали ходатайство о предоставлении убежища, то они прямо указали, что М.К.А.Х. является лицом без гражданства. Он отметил, что государство-участник не попыталось предпринять необходимые шаги для проверки того, может ли ребенок получить гражданство в Болгарии. Комитет счел, что соблюдение статьи 7 Конвенции требует от государств принятия позитивных мер для реализации права на приобретение гражданства. Государство-участник, зная об отсутствии гражданства М.К.А.Х., должно было принять все необходимые меры к тому, чтобы удостовериться, что он будет иметь возможность получить гражданство в случае возвращения в Болгарию. Следовательно, с учетом обстоятельств данного дела Комитет резюмировал, что в случае возвращения в Болгарию права М.К.А.Х. по статье 7 Конвенции будут нарушены (пункт 10.10 Соображений).

Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что государство

– участник нарушил статью 12 Конвенции, поскольку национальные органы не заслушали М.К.А.Х. (которому в тот период было 11 лет) в ходе рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища. Комитет также учел доводы государства-участника, утверждавшего, что ребенок не был заслушан ввиду его юного возраста и что он воспользовался своим правом быть заслушанным через свою мать. Поэтому, учитывая обстоятельства данного дела, Комитет счел – отсутствие прямого собеседования с ребенком представляло собой нарушение статьи 12 Конвенции (пункт 10.11 Соображений).

Что касается статьи 16 Конвенции, то Комитет принял к сведению утверждения автора о том, что решение о высылке также нарушит права М.К.А.Х., поскольку он будет разлучен со своим дядей и двоюродными братьями, членами его семьи, проживающими в Европе, и что отношения с ними имеют основополагающее значение для его благополучия и социальной реинтеграции. С учетом конкретных обстоятельств данного дела Комитет счел – любое разлучение М.К.А.Х. с его двоюродными братьями и дядей вполне может создать дополнительные трудности для развития ребенка и его социальной реинтеграции. Таким образом, Комитет пришел к выводу, что возвращение М.К.А.Х. в Болгарию будет представлять собой произвольное вмешательство в его личную жизнь в нарушение его прав, предусмотренных статьей 16 Конвенции (пункт 10.12 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении статей 3 (пункт 1) и 12 Конвенции и что возвращение М.К.А.Х. и его матери в Болгарию также нарушит статьи 6 (пункт 2), 1, 16, 22, 27, 28, 37 и 39 Конвенции.

вопросы исполнения судебных актов о выселении

практика Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам¹³

См. нижеприведенное дело «*Фатима эль-Аюби и Мохамед эль-Азуан Азуз против Испании*». Соображения Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 19 февраля 2021 года. Сообщение № 54/201.

В сфере гражданско-правовых отношений

право на достаточное жилище (вопросы выселения)¹⁴

практика Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам

Дело «*Лорн Джозеф Уолтерс против Бельгии*». Соображения Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 12 октября 2021 года. Сообщение № 61/2018¹⁵.

¹³ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам (далее – Комитет) действует с целью контроля за обеспечением выполнения государствами-участниками их обязательств по Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года (далее – Пакт). Российская Федерация является участником указанного международного договора в качестве государства – продолжателя Союза ССР.

Комитет вправе принимать индивидуальные сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Пакта на основании Факультативного протокола к Пакту от 10 декабря 2008 года.

По состоянию на 1 февраля 2022 года Российская Федерация не являлась участником этого Протокола.

¹⁴ Как было отмечено выше, в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/28123/.

¹⁵ Как усматривалось из текста Соображений, 21 августа 2017 года автор был проинформирован владелицей квартиры, которую он снимал, о ее решении расторгнуть договор аренды с соблюдением требований о выплате ему компенсации в размере шестимесячной арендной платы и направлении ему соответствующего уведомления за шесть месяцев до даты расторжения договора. Законная сила этого уведомления была

Правовые позиции Комитета: право на достаточное жилище – это основополагающее право, которое имеет решающее значение для пользования всеми экономическими, социальными и культурными правами; оно в полной мере связано с другими правами человека, в том числе закрепленными в Международном пакте о гражданских и политических правах. Право на жилище должно обеспечиваться всем вне зависимости от уровня дохода или доступа к экономическим ресурсам, а государства-участники должны принимать все необходимые меры в максимальных пределах имеющихся ресурсов для достижения полной реализации этого права (пункт 9.1 Соображений).

Принудительные выселения *prima facie* несовместимы с требованиями Пакта и могут быть оправданы только в самых исключительных обстоятельствах; соответствующие органы должны обеспечивать, чтобы они осуществлялись на основе законодательства, совместимого с Пактом, и с соблюдением общих принципов целесообразности и пропорциональности между законной целью выселения и последствиями выселения для затрагиваемых лиц. Это обязательство вытекает из толкования обязательств государства-участника по пункту 1 статьи 2 Пакта, рассматриваемого в совокупности со статьей 11, и в соответствии с требованиями статьи 4, которая устанавливает условия, при которых допустимы такие ограничения на пользование правами по Пакту (пункт 9.2 Соображений).

Для того чтобы выселение было правомерным, оно должно отвечать следующим критериям. Во-первых, возможность выселения должна быть предусмотрена законом. Во-вторых, эта мера должна способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе. В-третьих, она должна быть соразмерна преследуемой законной цели. В-четвертых, она должна быть необходимой в том смысле, что при наличии нескольких средств, разумно способных достичь той же цели, должно быть выбрано средство, наименее ограничивающее соответствующее право. Наконец, положительные результаты, достигаемые ограничением, способствующим общему

признана судом первой инстанции, а затем подтверждена первой палатой франкоязычного суда первой инстанции Брюсселя, вынесшей решение по апелляции автора. Вместе с тем суд предоставил автору отсрочку для освобождения квартиры до 30 сентября 2018 года. 17 сентября 2018 года судебный пристав сообщил автору, что его выселение назначено на 8 октября 2018 года. В связи с госпитализацией автора выселение было отложено до 17 октября 2018 года. Комитет отмечает, что 17 октября 2018 года автор был выселен из своего жилья. Эта квартира была выставлена для аренды по более высокой цене. С тех пор автор живет у знакомых, стоит на учете, по крайней мере, в одном органе по обеспечению социальным жильем и уведомил власти о том, что он нуждается в квартире площадью около 80 квадратных метров, чтобы он мог хранить свои вещи и принимать у себя внушек, когда они приезжают к нему из Канады, по возможности, с небольшой террасой. Автору было предложено лишь размещение в приюте или доме престарелых, что, по его мнению, не соответствует его потребностям (пункты 8.2–8.3 Соображений).

благосостоянию, должны перевешивать его воздействие на использование ограничиваемого права. Чем серьезнее воздействие на права, защищаемые Пактом, тем больше внимания следует уделять обоснованию применяемой меры. Наличие другого достаточного жилища, личные обстоятельства жильцов и их иждивенцев, а также их сотрудничество с властями в поисках учитывающих их положение решений также являются важнейшими факторами, которые необходимо учитывать при проведении такого анализа. Целесообразно также проводить различие между собственностью лиц, которые нуждаются в ней для использования в качестве жилья или для получения средств к существованию, и собственностью финансовых или любых иных структур. Таким образом, государство-участник, предусматривающее незамедлительное выселение лица в случае прекращения действия договора аренды независимо от обстоятельств, при которых будет исполняться постановление о выселении, нарушает право на достаточное жилище. Такой анализ соразмерности меры должен проводиться судебным органом или другим беспристрастным и независимым органом, уполномоченным принимать постановления о прекращении нарушения и предоставлять эффективные средства правовой защиты. Этот орган должен установить, соответствует ли выселение положениям Пакта, в том числе описанным выше элементам анализа соразмерности, которые предусмотрены в статье 4 Пакта (пункт 9.3 Соображений).

Кроме того, должна существовать реальная возможность проведения подлинных и эффективных предварительных консультаций между государственными органами и затрагиваемым лицом, не должны быть предусмотрены альтернативные средства или меры, менее интрузивные для права на жилище, а лицо, затрагиваемое этой мерой, не должно оказываться в ситуации, в которой нарушаются другие закрепленные в Пакте права или другие права человека или же существует риск такого нарушения (пункт 9.4 Соображений).

*Обязанность государства предоставлять в случае необходимости
альтернативное жилье*

Выселения не должны приводить к появлению бездомных лиц или лиц, уязвимых с точки зрения нарушения других прав человека. В тех случаях, когда затрагиваемые лица не способны обеспечить себе средства к существованию, то государство-участник должно принять все необходимые меры при максимальном использовании имеющихся ресурсов для предоставления в зависимости от обстоятельств надлежащего альтернативного жилья, расселения или доступа к плодородным землям. Государство-участник обязано принимать разумные меры для предоставления альтернативного жилья лицам, которые в результате выселения могут остаться без крыши над головой, независимо от того,

принята ли мера по выселению по инициативе властей государства-участника или частного лица, например, собственника жилья. Если в случае выселения государство-участник не гарантирует или не предоставляет затрагиваемому лицу альтернативное жилье, то оно должно продемонстрировать, что им были рассмотрены конкретные обстоятельства дела и что даже после принятия всех разумных мер в максимальных пределах имеющихся ресурсов право затрагиваемого лица на жилище не может быть удовлетворено. Представляемая государством-участником информация должна позволять Комитету оценить целесообразность принятых мер в соответствии с пунктом 4 статьи 8 Факультативного протокола (пункт 10.1 Соображений).

Обязательство предоставлять альтернативное жилье нуждающимся в нем выселяемым лицам подразумевает, что в согласно пункту 1 статьи 2 Пакта государства-участники принимают все необходимые меры в максимальных пределах имеющихся ресурсов для осуществления этого права. Для достижения указанной цели государства-участники могут проводить самую разнообразную политику. Вместе с тем любые принимаемые меры должны быть осознанными, конкретными и как можно более четко нацеленными на осуществление этого права наиболее оперативным и эффективным образом. Стратегии обеспечения альтернативным жильем в случае выселений должны быть соразмерны потребностям затрагиваемых лиц и степени неотложности ситуации, а также осуществляться с уважением к достоинству личности. Кроме того, государствам-участникам следует принимать согласованные и скоординированные меры для устранения институциональных сбоев и структурных причин нехватки жилья (пункт 10.2 Соображений).

Альтернативное жилье должно быть достаточным. Хотя достаточность определяется отчасти социальными, экономическими, культурными, климатическими, экологическими и иными факторами, Комитет считает, что тем не менее можно определить некоторые аспекты этого права, которые нужно учитывать в этих целях в любых конкретных условиях. Они включают следующее: правовое обеспечение проживания; наличие услуг, материалов, возможностей и инфраструктуры; доступность с точки зрения расходов; пригодность для проживания; физическую доступность; географическое положение, позволяющее иметь доступ к социальным услугам (образованию, занятости, медицинской помощи); адекватность с точки зрения культуры, позволяющую соблюсти право на выражение культурной самобытности и многообразие (пункт 10.3 Соображений).

В определенных обстоятельствах государства-участники могут продемонстрировать, что даже после всех усилий, предпринятых ими в максимальных пределах имеющихся ресурсов, было невозможно предоставить постоянное альтернативное жилье выселяемому лицу, которое нуждалось в альтернативном жилье. В таких обстоятельствах возможно использование временного размещения в помещениях чрезвычайного

жилищного фонда, которые не отвечают всем требованиям, предъявляемым к достаточному альтернативному жилью. Вместе с тем государства должны стремиться к тому, чтобы временное жилье было совместимо с защитой человеческого достоинства выселенных лиц, отвечало всем требованиям безопасности и его предоставление являлось не постоянным решением, а шагом на пути к обеспечению этих лиц достаточным жилищем. Необходимо также принимать во внимание право членов семьи не быть разлученными и право на разумный уровень защиты частной жизни (пункт 10.4 Соображений).

Комитет напоминает, что государства-участники должны предпринять шаги с целью обеспечения такого положения, чтобы доля расходов, связанных с жильем, в целом была соразмерной размеру доходов. В соответствии с принципом доступности с точки зрения расходов квартиросъемщики должны быть защищены с помощью соответствующих средств от неразумных размеров квартирной платы или ее увеличения и от любых нежелательных последствий, которые это законодательство может иметь для уязвимых групп населения (например, таких как пожилые люди). Комитет обратил внимание – государства-участники вправе принять ряд возможных мер политики для осуществления прав, закрепленных в Пакте, включая право на достаточное жилище, в частности меры по регулированию рынка арендного жилья (пункт 11.4 Соображений).

Комитет отмечает: согласно пункту 2 статьи 5 Пакта никакое ограничение или умаление каких бы то ни было основных прав человека, признаваемых или существующих в какой-либо стране в силу закона, конвенций, правил или обычаев, не допускается под тем предлогом, что в Пакте не признаются такие права или что в нем они признаются в меньшем объеме. К ним относится право частной собственности, закрепленное в законодательстве государства-участника и статье 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции по правам человека, ратифицированного государством-участником. Вместе с тем нарушением государствами-участниками их обязанности защищать закрепленные в Пакте права будет считаться их неспособность предотвратить или пресечь поведение предприятий, ведущее к нарушению указанных прав или предположительно способное привести к их нарушению. Следовательно, политика в области жилищного обеспечения должна быть направлена на гарантирование доступа к достаточному жилищу. Такая политика должна гарантировать надлежащую защиту арендаторам для обеспечения основных элементов права на достаточное жилище, таких как правовое обеспечение проживания, доступность с точки зрения расходов или пригодность для проживания (пункт 11.5 Соображений).

Комитет напоминает, что государства-участники должны принимать особые меры в максимальных пределах имеющихся ресурсов для обеспечения полного осуществления пожилыми людьми всех прав,

признаваемых в Пакте. Комитет обращает внимание: в рекомендации 19 Венского международного плана действий по проблемам старения подчеркивается, что жилье для престарелых необходимо рассматривать как нечто большее, чем просто крышу над головой, и что в дополнение к физическому компоненту следует должным образом учитывать также психологическое и социальное значение жилища. В этой связи цели национальной политики должны предусматривать оказание помощи престарелым с тем, чтобы они продолжали жить в своих жилищах возможно дольше (достигая этого посредством реставрации, перестройки и улучшения жилья при его адаптации к физическим возможностям престарелых в плане доступа и пользования). Без таких особых мер общая политика, которая может быть приемлемой для населения в целом, может оказывать чрезмерно негативное воздействие на осуществление прав, закрепленных в Пакте, пожилыми людьми, особенно теми из них, кто находится в сложном социально-экономическом положении. Кроме того, для пожилых людей вопрос аренды жилья может стоять острее, чем для остального населения, особенно если они арендовали это жилье в течение длительного времени, поскольку у них мог уже сложиться привычный круг общения в их районе и смена жилья может для них быть сильным потрясением (пункт 11.6 Соображений).

Отсутствие гибкости в положениях закона и его чрезмерные последствия для автора

Комитет считает, что закон, который периодически позволяет арендодателям расторгать договор аренды без объяснения причин и без предоставления каких-либо других гарантий или компенсации, может негативно повлиять на правовое обеспечение проживания и стать одной из причин существенного фактического роста цен на рынке арендного жилья, что может сказаться на наличии доступного по цене жилья. Следовательно, такая норма противоречит Пакту (пункт 12.1 Соображений).

Возможность чрезмерного воздействия такой политики¹⁶ на право на достаточное жилище определенных групп населения, которые находятся в уязвимом положении, влечет за собой двойную обязанность для любого государства-участника, выбирающего такое законодательство. Во-первых, государство-участник должно создать механизм мониторинга воздействия применения этого законодательства на наиболее уязвимые и маргинализированные группы населения, с тем чтобы внести необходимые корректировки во избежание чрезмерного воздействия, которое может повлечь за собой нарушение права на достаточное жилище конкретной

¹⁶ См.: пункт 12.1 Соображений.

группы, например, пожилых людей, находящихся в сложном социально-экономическом положении. Во-вторых, соответствующая политика должна предусматривать механизмы и гибкие возможности, позволяющие не допустить, чтобы в определенных случаях применение законодательства оказывало чрезмерное воздействие (пункт 12.3 Соображений).

Условия предоставления альтернативного жилья выселяемому лицу, соответствующие обязательствам государств-участников по Пакту, могут варьироваться в зависимости от уровня развития государства и имеющихся у него ресурсов. Радикальная смена жилья человеком возраста автора может серьезно подорвать его привычный образ жизни (пункт 12.6 Соображений).

Хотя государство-участник обладает директивными полномочиями в вопросах регулирования договоров аренды, оно в то же время обязано предоставлять надлежащие средства защиты, чтобы гарантировать правовое обеспечение проживания, что предполагает предоставление достаточного альтернативного жилья (пункт 12.7 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: установлено, что автор был уведомлен о расторжении договора аренды в соответствии с действующим законодательством, гарантировавшим ему получение уведомления за шесть месяцев до даты окончания срока аренды и компенсацию в размере шестимесячной арендной платы. Вопрос об этом расторжении договора был рассмотрен тремя судебными органами, в которых автор с помощью адвоката смог представить все свои утверждения, проанализированные с соблюдением всех гарантий (пункт 11.2 Соображений).

Комитет отметил, что в данном случае закон, применяемый в государстве-участнике, позволял арендодателю расторгнуть договор аренды без причины, но в то же время предусматривал существенные гарантии для арендатора: договор аренды не может быть расторгнут в любое время, и, как это было в случае с автором, арендодатель должен заблаговременно уведомить арендатора о расторжении договора и выплатить ему компенсацию. Кроме того, в некоторых случаях судья может предоставить отсрочку для защиты арендаторов, находящихся в уязвимом положении. Благодаря этим гарантиям, предусмотренным для арендаторов, данное законодательство в общем плане и *in abstracto* совместимо с Пактом и правом на достаточное жилище (пункт 12.1 Соображений).

Негибкое применение этого закона в конкретных условиях роста арендной платы в столичном регионе Брюссель и с учетом особых потребностей пожилых людей¹⁷ мог оказать чрезмерно негативное воздействие на пожилых людей с низким уровнем дохода. Такое чрезмерное воздействие может быть результатом конкретных рыночных условий в

¹⁷ Комитет отметил, что люди старше 64 лет чаще других групп населения сталкиваются с ситуацией расторжения договора аренды (пункт 12.2 Соображений).

сочетании с негибким применением законодательства (пункт 12.2 Соображений).

Комитет счел, что в указанном случае ни судебные органы, ни социальные службы не приняли в достаточной степени во внимание возможные чрезмерные последствия вынужденного переезда для особо уязвимых лиц, таких как пожилые люди, находящиеся в тяжелом финансовом положении. И это произошло несмотря на то, что автор прожил в своей съемной квартире 25 лет, всегда выполнял свои договорные обязательства и на данный момент уже являлся пожилым человеком, имеющим небольшой доход, но прочные социальные связи в своем районе (пункт 12.4 Соображений).

Комитет подчеркнул следующее – государство-участник могло бы принять различные меры в максимальных пределах имеющихся ресурсов для смягчения последствий применения соответствующего законодательства для автора. Например, можно было бы задействовать процедуру посредничества для корректировки арендной платы при финансовой поддержке государства-участника, чтобы сделать ее доступной для автора. Из-за отсутствия гибкости в применении закона по обозначенному вопросу ни этот, ни любой другой вариант, позволяющий автору остаться в съемной квартире, не были изучены. Этот вариант представлялся очень разумным, учитывая неоспоримые факты, изложенные в данном сообщении, а именно то, что арендодатель продолжила сдавать квартиру по более высокой цене. В этих условиях, если бы закон был более гибким, то государство-участник могло бы в максимальных пределах имеющихся у него ресурсов предоставить автору субсидию, которая позволила бы ему продолжить жить в съемной квартире (пункт 12.5 Соображений).

В этом контексте¹⁸ ходатайство автора о предоставлении ему альтернативного жилья, которое позволило бы избежать разрыва всех сложившихся социальных связей, нельзя назвать необоснованным, особенно с учетом того, что в государстве-участнике отмечается один из самых высоких в мире показателей дохода на душу населения (пункт 12.6 Соображений).

Комитет установил следующее – автору было предложено два варианта размещения: приют или дом престарелых. Автор отказался от этих предложений, так как они не могли служить приемлемой альтернативой, отвечающей его потребностям. В данных обстоятельствах Комитет решил: предложенные автору варианты размещения – приют или дом престарелых –

¹⁸ Условия предоставления альтернативного жилья выселяемому лицу, соответствующие обязательствам государств-участников по Пакту, могут варьироваться в зависимости от уровня развития государства и имеющихся у него ресурсов. Радикальная смена жилья человеком возраста автора может серьезно подорвать его привычный образ жизни (пункт 12.6 Соображений).

выходят за рамки критерия достаточности временного жилья с учетом особых потребностей автора как пожилого человека, тем более что, как уже было отмечено, применение законодательства государства-участника, позволяющего расторгнуть договор аренды без причины, создавало особые трудности на рынке жилья для уязвимых лиц – для групп населения, которым все сложнее найти достаточное альтернативное жилье в их городской среде. Это особенно актуально для малоимущих семей с детьми и пожилых людей, чьи экономические возможности крайне ограничены (пункт 12.7 Соображений).

Согласно информации, изложенной в предыдущих пунктах, то есть с учетом того, что автору были предоставлены компенсация и уведомление, но предложенные ему варианты альтернативного жилья не отвечали критерию достаточности, а также с учетом чрезмерного воздействия, которое расторжение договора аренды оказало на него как на пожилого человека с низким уровнем дохода, Комитет пришел к выводу: в данном случае негибкое применение законодательства в отношении аренды и соответствующей процедуры выселения представляло собой нарушение государством-участником права автора на достаточное жилище, закрепленного в статье 11, рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктом 2 статьи 2 Пакта (пункт 12.8 Соображений).

Несмотря на то, что автор был выселен и установлено нарушение его права на достаточное жилище, Комитет счел: государство-участник выполнило просьбу о принятии временных мер, поскольку оно добросовестно предложило автору то, что, по мнению государства-участника, представляло собой на тот момент достаточное альтернативное жилье. Комитет пришел к выводу, что ни одно положение Факультативного протокола не было нарушено (пункт 12.95 Соображений).

Выводы Комитета: государство-участник нарушило право автора, предусмотренное пунктом 1 статьи 11 Пакта.

Дело *«Фатима эль-Аюби и Мохамед эль-Азуан Азуз против Испании»*. Соображения Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 19 февраля 2021 года. Сообщение № 54/201.¹⁹

¹⁹ Как усматривалось из текста Соображений, авторы вселились в квартиру в декабре 2016 года. 1 марта 2017 года на основании жалобы банка, которому принадлежала квартира, суд первой инстанции №3 Навалькарnero предписал авторам освободить это жилище, поскольку они заняли его незаконно, не имея никакого правового титула. Это решение было подтверждено провинциальным судом Мадрида 4 октября 2017 года (пункт 14.1 Соображений). Авторы смогли остаться в этой квартире благодаря приостановлению действия трех постановлений о выселении. Комитет отметил также, что 31 августа 2020 года суд первой инстанции № 3 Навалькарnero назначил новую дату выселения – 13 января 2021 года (пункт 14.2 Соображений).

Правовые позиции Комитета: государства-участники в целях оптимизации ресурсов своих социальных служб могут устанавливать требования или условия, которые должны соблюдаться заявителями для получения социальных услуг, таких как альтернативное жилье. Государства также могут принимать меры по защите частной собственности и предупреждению незаконного и недобросовестного завладения недвижимостью. Вместе с тем условия доступа к социальным услугам должны быть разумными и тщательно разработанными не только во избежание возможной стигматизации, но и потому, что, когда какое-либо лицо ходатайствует о предоставлении альтернативного жилья, его поведение не может само по себе служить основанием для отказа в предоставлении социального жилья государством-участником. Кроме того, при толковании и применении судами и административными органами норм, регулирующих доступ к социальному жилью или альтернативному заселению, необходимо избегать закрепления системной дискриминации и стигматизации в отношении живущих в бедности лиц, которые в силу необходимости или с добрыми намерениями занимают недвижимость, не имея на это законных оснований (пункт 13.1 Соображений).

Помимо этого, в той мере, в какой нехватка имеющегося и доступного жилья является результатом растущего неравенства и спекуляции на рынках жилья, государства-участники обязаны устранять эти структурные причины посредством принятия надлежащих, своевременных и скоординированных мер реагирования в максимальных пределах имеющихся у них ресурсов (пункт 13.1 Соображений).

Право на частную собственность не относится к числу прав, закрепленных в Пакте, но признает законную заинтересованность государства-участника в обеспечении защиты всех прав, признанных его законодательством, при условии, что это не противоречит правам, закрепленным в Пакте оснований (пункт 14.5 Соображений).

См. также правовые позиции Комитета, изложенные в вышеприведенном деле *«Лорн Джозеф Уолтерс против Бельгии»*. Соображения Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 12 октября 2021 года. Сообщение № 61/2018.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: было принято к сведению, что для государства-участника разрешение авторам оставаться в жилище было бы равносильно легализации (путем осуществления права на жилище) нарушения, по смыслу национального законодательства, права собственности учреждения, которому принадлежит жилище. Поскольку авторам было предписано освободить чужое жилье в рамках гражданского судопроизводства, то Комитет счел, что для принятия меры по выселению авторов существовало законное основание. Вместе с тем суд первой

инстанции № 3 Навалькарnero не рассмотрел вопрос о соразмерности между законной целью выселения и последствиями выселения для затрагиваемых лиц. По сути, суд не соразмерил преимущество этой меры на тот момент – в данном случае защиту права собственности учреждения-владельца недвижимости – с последствиями, которые эта мера могла бы иметь для прав выселяемых лиц. Таким образом, анализ соразмерности выселения предполагает не только рассмотрение последствий этой меры для выселяемых лиц, но и необходимости для собственника вновь получить во владение эту собственность. Во всех случаях необходимо проводить различие между собственностью лиц, которые нуждаются в ней для использования в качестве жилья или получения средств к существованию, и собственностью финансовых учреждений, как в данном случае. Вывод о том, что выселение не является разумной мерой в тот или иной конкретный момент, необязательно означает, что постановление о выселении жильцов не может быть вынесено. Тем не менее принципы целесообразности и соразмерности могут потребовать, чтобы исполнение постановления о выселении было приостановлено или отложено, чтобы выселяемые не оказались в ситуации бедности или нарушения других прав, закрепленных в Пакте. Вынесение постановления о выселении также может обуславливаться другими факторами, такими как предписание административным властям принять меры по оказанию помощи жильцам для смягчения последствий их выселения (пункт 14.5 Соображений).

Несмотря на утверждения авторов о том, что данная мера негативно отразится на их праве на достаточное жилище, суд первой инстанции № 3 Навалькарnero не соразмерил ущерб, нанесенный авторами в результате проживания в чужой квартире, с ущербом, которого они пытались избежать путем вселения в эту квартиру, будучи под угрозой оказаться на улице. Комитет отметил, что суд счел – изложенные авторами причины, связанные с наличием у них особой нужды в жилье в связи с их тяжелым финансовым положением и проблемами со здоровьем их сына, не являются достаточно уважительными для занятия соответствующего жилища; в ответ на одно из ходатайств авторов об отсрочке выселения суд указал лишь, что представленные авторами аргументы не могут считаться обоснованными в рамках «разбирательства такого рода». Законодательство государства-участника также не предусматривало какого-либо другого судебного механизма, которым могли бы воспользоваться авторы для оспаривания постановлений о выселении, с тем чтобы другой судебный орган мог оценить соразмерность выселения или условий, при которых оно должно производиться. Непроведение такого анализа представляло собой нарушение государством-участником права авторов на жилище, закрепленного в пункте 1 статьи 11 Пакта, рассматриваемого в совокупности с пунктом 1 статьи 2 (пункт 14.6 Соображений).

Выводы Комитета: государство-участник нарушило право авторов по смыслу пункта 1 статьи 11 Пакта.

реализация лицом с ограниченными возможностями²⁰ своей дееспособности в финансовых вопросах

практика Комитета ООН по правам инвалидов²¹

Дело «*Магдолена Рекаси против Венгрии*». Соображения Комитета по правам инвалидов от 6 сентября 2021 года. Сообщение № 44/2017²².

Правовые позиции Комитета: в соответствии со статьей 12 Конвенции государства-участники обязаны признать, что инвалиды обладают дееспособностью наравне с другими во всех аспектах жизни. Согласно пункту 4 статьи 12 Конвенции государства-участники обязаны

²⁰ Для сведения: в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав лиц с ограниченными возможностями*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/27222/.

²¹ Комитет ООН по правам инвалидов (далее – Комитет) действует на основании Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года (далее, если иное не следует из контекста излагаемого материала, – Конвенция). Российская Федерация является участником указанного международного договора.

По состоянию на 1 февраля 2022 года Российская Федерация не признавала компетенцию Комитета на принятие индивидуальных сообщений

²² Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждала, что в нарушение ее прав, предусмотренных в статьях 3 и 12 (пункты 4 и 5) Конвенции, государство-участник не приняло меры, включающие надлежащие и эффективные гарантии реализации ею своей дееспособности в финансовых вопросах. На момент заключения договора страхования жизни автору было 42 года и она была здорова. Страхование жизни автора с целью покрытия расходов на похороны в случае ее кончины было неоправданным финансовым решением, принятым ее опекуном и органом опеки без консультации с автором. В результате она была лишена возможности принимать решения по непосредственно касающимся ее финансовым вопросам. Это решение серьезно повлияло на ее финансовое положение. Она не смогла выкупить договор, не понесла значительных финансовых потерь. Структура договора явно не отвечала ее высшим интересам, воле или предпочтениям. Автор также утверждала, что в соответствии с пунктом 3 статьи 12 Конвенции государства-участники обязаны оказывать инвалидам поддержку в реализации ими своей дееспособности. Государства-участники должны воздерживаться от лишения инвалидов дееспособности и, напротив, должны предоставлять им доступ к необходимой поддержке, с тем чтобы они могли принимать решения, имеющие юридическую силу. Поддержка в реализации дееспособности должна уважать права, волю и предпочтения людей с инвалидностью и никогда не должна сводиться к принятию решений за них (пункты 3.1–3.2 Соображений).

обеспечить, чтобы все меры, связанные с реализацией дееспособности, предусматривали надлежащие и эффективные гарантии предотвращения злоупотреблений в соответствии с международным правом прав человека. Такие гарантии должны обеспечивать, чтобы меры, связанные с реализацией дееспособности, ориентировались на уважение прав, воли и предпочтений лица, были свободны от конфликта интересов и неуместного влияния, были соразмерны обстоятельствам этого лица и подстроены под них, применялись в течение как можно меньшего срока и регулярно проверялись компетентным, независимым и беспристрастным органом или судебной инстанцией. Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 5 статьи 12 Конвенции государства-участники также обязаны принимать все надлежащие и эффективные меры для обеспечения равного права инвалидов на управление собственными финансовыми делами (пункт 11.5 Соображений).

Согласно пункту 21 Замечания общего порядка № 1 Комитета по правам инвалидов в тех случаях, когда после приложения значительных усилий все же оказывается практически невозможным установить волю и предпочтения отдельного лица, то вместо установлений, касающихся «высших интересов», следует применять «наилучшее толкование воли и предпочтений». Это ориентировано на уважение прав, воли и предпочтений отдельного лица в соответствии с пунктом 4 статьи 12. В отношении взрослых людей принцип «высших интересов» не служит гарантией, которая соотносится со статьей 12, если говорить о взрослых. Парадигму «высших интересов» следует заменить парадигмой «воли и предпочтений» для обеспечения того, чтобы инвалиды пользовались правом на дееспособность наравне с другими. (пункт 11.6 Соображений).

Комитет считает, что, хотя государства-участники имеют определенную свободу усмотрения для определения процедурных механизмов, позволяющих инвалидам реализовывать свою дееспособность, необходимо уважать процессуальные гарантии и права конкретных лиц (пункт 11.7 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: вопрос, который Комитет должен был решить, заключался в том, является ли решение органа опеки, разрешающее опекуну автора заключить договор страхования жизни от ее имени, нарушением ее прав, предусмотренных в пунктах 3, 4 и 5 статьи 12 Конвенции. Комитет принял к сведению утверждения автора о том, что с ней не консультировались до заключения договора страхования жизни и что ее воля и предпочтения не были приняты во внимание (пункт 11.2 Соображений).

Комитет также отметило следующее – на момент заключения договора автору было всего 42 года, она имела хорошее здоровье, и в тот момент ее жизни ничто не угрожало. Комитет также указал, что состояние автора значительно улучшилось благодаря полученному лечению. Он учел

заявление автора о том, что заключение договора страхования, единственной целью которого было обеспечить покрытие расходов на ее похороны, было, по ее мнению, безответственным финансовым решением, противоречившим ее интересам. Он подчеркнул: хотя по условиям договора автор имел право выкупить страховку, она не могла получить всю сумму, что являлось существенной потерей для автора, которая получала только ежемесячную пенсию в размере всего лишь 203 долл. США. В этой связи он обратил внимание – государство-участник не объяснило срочность или необходимость заключения договора страхования жизни от имени автора с учетом всех обстоятельств (пункт 11.4 Соображений).

Комитет отметил: государство-участник не смогло продемонстрировать, что оно предприняло сколь-либо серьезные усилия для определения воли и предпочтений автора или наилучшего толкования ее воли и предпочтений (пункт 11.6 Соображений).

Комитет также принял к сведению аргумент автора, утверждавшей, что процедура, которой следовали орган опеки и ее опекун, также игнорировала требования пункта 3 статьи 12 Конвенции. Согласно положениям этого пункта государство-участник обязано предоставить инвалидам доступ к поддержке, которая им может потребоваться при реализации своей дееспособности. В этой связи Комитет напомнил, что в своих заключительных замечаниях по первоначальному периодическому докладу государства-участника он рекомендовал государству-участнику эффективно использовать текущий процесс обзора его национального гражданского кодекса и связанных с ним законов и принять немедленные меры, направленные на то, чтобы частично отменить опеку и перейти от субститутивного принятия решений к поддерживаемой модели принятия решений, которая уважает автономию человека, его волю и предпочтения и полностью соответствует статье 12 Конвенции, в том числе в отношении права человека как физического лица давать и отзывать информированное согласие на медицинское лечение, иметь доступ к правосудию, голосовать, вступать в брак, работать и выбирать место жительства. В случае автора Комитет установил следующее – учитывая, что на момент заключения договора дееспособность автора была полностью ограничена, то ей не было предоставлено никакой возможности или поддержки или необходимых условий для осуществления своих прав в отношении финансовых вопросов (пункт 11.7 Соображений).

Выводы Комитета: решение органа опеки разрешить опекуну автора заключить договор страхования жизни от имени автора, не предприняв значительных усилий для определения ее воли или предпочтений, или «наилучшего толкования» ее воли и предпочтений, представляло собой нарушение ее прав, предусмотренных в пунктах 3, 4 и 5 статьи 12 Конвенции.

право на компенсацию в случае незаконного лишения свободы

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 29627/10 и по 8 другим жалобам по делу *«Коваль и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 5 октября 2021 года), которым установлено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции в связи с несоблюдением права одного из заявителей на компенсацию в случае незаконного лишения свободы.

Власти утверждали, что заявитель имел законное право на компенсацию и использовал процедуру, предусмотренную для этой цели во внутреннем законодательстве.

Суд повторил: компенсация за содержание под стражей, осуществленное в нарушение положений статьи 5 Конвенции, должна быть не только теоретически доступной, но и доступной на практике для соответствующего лица (пункт 195 постановления).

В данном деле внутригосударственные суды отклонили гражданский иск заявителя о компенсации морального вреда за его незарегистрированное содержание под стражей, сославшись на судимость заявителя по уголовному делу и вычет срока незапротоколированного содержания под стражей из его срока лишения свободы. Внутригосударственные суды пришли к выводу, что, таким образом, право заявителя было восстановлено, и постановили, что заявитель не продемонстрировал незаконность действий национальных властей, как того требовали статьи 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации (пункт 196 постановления).

Суд обратил внимание на то, что он уже оценивал в других делах порядок применения судами Российской Федерации статей 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, не позволяющих заявителям по этим делам получить компенсацию за содержание под стражей, которое было наложено в нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции. Суд также отметил: законодательство Российской Федерации не предусматривает ответственности государства за задержание, которое не было зарегистрировано или не было признано в какой-либо процессуальной форме (пункт 197 постановления).

Таким образом, с точки зрения Европейского Суда, заявитель не имел законного права на компенсацию, как того требует пункт 5 статьи 5 Конвенции. Соответственно, в отношении г-на Ковалья имело место нарушение этого положения.

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

*право не подвергаться пыткам, иному бесчеловечному обращению²³
(в аспектах применения сотрудниками правоохранительных органов пыток
по отношению к обвиняемым, а также непроведения эффективного
расследования по указанным фактам)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 48053/06 и по 7 другим жалобам по делу «*Успанов и другие против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 9 февраля 2021 года), которым установлены нарушения статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с пытками, иным жестоким обращением в отношении заявителей и непроведением эффективного расследования по соответствующим фактам, одиночным заключением в исправительной колонии одного из заявителей; пункта 1 статьи 5 Конвенции ввиду незаконного содержания заявителей под стражей вследствие незапротоколированного задержания заявителей; пункта 1 статьи 6 Конвенции – вследствие нарушения принципа справедливости судопроизводства по уголовным делам заявителей (использование судом полученных в результате пыток доказательств)²⁴.

Заявители жаловались на то, что они подвергались жестокому обращению со стороны сотрудников правоохранительных органов и эффективное расследование их жалоб не проводилось.

²³ Как было отмечено выше, в 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию* (обновлено по состоянию на 1 ноября 2020 года).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/29487/.

²⁴ **Для сведения:** в 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с запретом использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://supcourt.ru/documents/international_practice/29220/.

Суд отметил, что утверждения заявителей о пытках, а именно – электрошоком, жестокими избиениями, заземлением конечностей плоскогубцами, удушением, угрозами сексуального насилия, введением игл под ногти, сжиганием газовым пламенем и сигаретами были подтверждены медицинскими показаниями и подробными описаниями жестокого обращения (пункт 225 постановления).

Суд счел, что жестокое обращение с заявителями явно причинило им серьезные физические и психические страдания. Последовательность событий также свидетельствовала о том, что боль и страдания были причинены им умышленно, то есть с целью получения признаний в совершении ими преступлений. Таким образом, Суд пришел к выводу: жестокое обращение, о котором шла речь, равносильно пытке (пункт 227 постановления).

С учетом вышеизложенного, по мнению Европейского Суда, в отношении всех заявителей имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материально-правовой и процессуальной части.

Г-н Т. жаловался, что его помещение в штрафной изолятор исправительной колонии было равносильно обращению с нарушением статьи 3 Конвенции.

Суд вновь заявил: запрет на контакты с другими заключенными по соображениям безопасности, дисциплинарным или защитным соображениям сам по себе не является бесчеловечным обращением или наказанием. Хотя длительное отстранение от общения с другими лицами, с точки зрения Суда, нежелательно, подпадает ли такая мера под действие статьи 3 Конвенции, зависит ли от конкретных условий, строгости меры, ее продолжительности, преследуемой цели и ее последствий для соответствующего лица (пункт 231 постановления).

Суд установил – заявитель содержался в непрерывном одиночном заключении в общей сложности десять месяцев. Суд принял к сведению, что в дополнение к социальной изоляции помещение заявителя в карцер одиночного заключения было связано с рядом дополнительных ограничений, связанных, в частности, с ограниченным доступом к прогулкам на свежем воздухе и ограничениями на посещение семьи и получение любых посылок извне (пункт 232 постановления).

Суд отметил, что заявитель был помещен в одиночную камеру из-за его предполагаемого неуважения к сотрудникам колонии. В материалах дела, как подчеркнул Суд, отсутствовали записи о хулиганстве или опасном поведении заявителя. Европейский Суд счел следующее – непринятие или неформальное приветствие сотрудников колонии является явно недостаточным основанием для содержания заявителя в почти полной социальной изоляции в общей сложности в течение десяти месяцев в

отсутствие того, что он представляет какую-либо опасность для себя или других (пункт 233 постановления).

Европейский Суд резюмировал: одиночное заключение заявителя в карцерах исправительной колонии представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, противоречащее статье 3 Конвенции.

Г-н У., г-н М. и г-н Т., г-н Л., а также г-н В. и г-н А. жаловались на свое содержание по стражей в отсутствие протокола о задержании в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции.

Суд счел, что задержание г-на У. 31 октября 2004 года подтверждалось показаниями его матери и жены, которые видели его 5 или 6 ноября 2004 года в помещении правоохранительных органов. К тому времени заявитель уже несколько дней содержался под стражей государственными служащими, установил Суд. Власти не опровергли их заявления и у Суда отсутствовали основания сомневаться в них. Как видно из материалов дела, арест заявителя был зафиксирован 11 ноября 2004 года, то есть примерно через две недели после его фактического ареста (пункт 196 постановления).

Суд отметил: власти не оспаривали тот факт, что г-н М. и г-н Т. были «лишены свободы» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции. Они также не оспаривали тот факт, что никакие протоколы об аресте или содержании заявителей под стражей не были составлены до 17 ноября 2004 года и 27 августа 2004 года соответственно. Кроме того, в ходе судебного разбирательства родственники заявителей под страхом наказания за лжесвидетельство заявили, что заявители были арестованы 14 ноября 2004 года и 23 августа 2004 года соответственно (пункт 197 постановления).

Что касается г-на Л., то Суд подчеркнул – его заявление о задержании государственными служащими вечером 17 марта 2006 года может быть подтверждено заявлением медсестры, которая лечила его раны в ночь на 18 марта 2006 года в больнице. Власти не оспаривали ее заявление и у Суда отсутствовали основания сомневаться в этом. Как следовало из материалов дела, арест заявителя не был зафиксирован до вечера 18 марта 2006 года. Суд также отметил решение суда от 22 января 2009 года, в котором было установлено, что следователь не удовлетворил жалобу заявителя на его содержание под стражей в период с 17 по 18 марта 2006 года (пункт 199 постановления).

В деле г-на В. и г-на А. власти не оспаривали версию заявителей о событиях. Суд отметил, что заявители были задержаны соответственно 20 и 21 июля 2005 года, а протоколы их ареста были составлены соответственно 21 и 24 июля 2005 года (пункт 200 постановления).

Таким образом, Суд счел установленным, что заявители были задержаны в качестве подозреваемых государственными служащими без надлежащего уведомления. Отсутствие каких-либо подтверждений или

записей о содержании заявителей под стражей в качестве подозреваемых привело к тому, что они были лишены доступа к адвокату и всех других прав, которые они должны были иметь в качестве подозреваемых, а это означало – они были полностью предоставлены на милость тех, кто их удерживал. Таким образом, заявители были уязвимы не только к произвольному вмешательству в их право на свободу, но и к жестокому обращению (пункт 201 постановления).

Суд резюмировал: неучтенное содержание заявителей под стражей являлось полным отрицанием принципиально важных гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, и было несовместимо с требованием законности и с самой целью этой статьи. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции (пункт 202 постановления).

Г-н У., г-н М. и г-н Т., г-н Ш., г-н Л., г-н Х., г-н О. и г-н Ц. и В., А. и Т.В. жаловались – их осуждение было основано на признательных показаниях, полученных в результате жестокого обращения, что сделало их судебные процессы несправедливыми.

Власти утверждали, что в дополнение к письменным признательным показаниям заявителей их обвинительные приговоры были основаны на множестве доказательств, полученных в ходе расследования. Суды первой инстанции рассмотрели показания заявителей о жестоком обращении и отклонили их как необоснованные. Заявители поддержали свои жалобы.

Суд повторил – дача признательных показаний, полученных в нарушение статьи 3 Конвенции, делает соответствующее уголовное производство в целом автоматически несправедливым, независимо от доказательной ценности этих показаний и независимо от того, было ли их использование решающим в обеспечении осуждения подсудимого (пункт 241 постановления).

Суд также напомнил: при рассмотрении утверждений о том, что доказательства были получены в результате жестокого обращения, суд первой инстанции может быть привлечен для оценки тех же фактов и элементов, которые ранее были предметом изучения следственных органов. Однако его задача состоит не в том, чтобы исследовать индивидуальную уголовную ответственность предполагаемых преступников, а в том, чтобы решить путем полного, независимого и всеобъемлющего рассмотрения вопрос о допустимости и достоверности доказательств. Признание в качестве доказательства показаний, несмотря на достоверные утверждения о том, что они были получены в результате жестокого обращения, вызывает серьезные вопросы относительно справедливости судебного разбирательства (пункт 242 постановления).

Суд обратил внимание на то, что он уже установил – признательные показания заявителей были получены в результате пыток, которым они подвергались со стороны государственных должностных лиц.

Внутригосударственные суды не исключали признательные показания в качестве недопустимых доказательств и ссылались на них при осуждении заявителей за преступления, в которых они сознались в этих показаниях. Они отказались исключить признательные показания в качестве доказательств, ссылаясь на решения следователей не возбуждать уголовные дела по факту предполагаемого жестокого обращения (пункт 243 постановления).

Суд пришел к выводу: суды первой инстанции не провели независимого и всестороннего рассмотрения заслуживающих доверия утверждений заявителей о том, что их признательные показания были результатом насилия со стороны полиции (пункт 244 постановления).

При таких обстоятельствах Суд резюмировал – использование национальными судами признаний заявителей, полученных в нарушение статьи 3 Конвенции, независимо от их влияния на исход уголовного разбирательства, сделало судебное разбирательство заявителей несправедливым (пункт 245 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановления Европейского Суда по жалобам № 8372/07 и по 2 другим жалобам по делу *«Цуроев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 8 июня 2021 года), № 29627/10 и по 8 другим жалобам по делу *«Коваль и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 5 октября 2021 года), которыми также установлены нарушения статьи 3 Конвенции в связи с пытками, иным жестоким обращением в отношении заявителей и непроведением эффективного расследования по соответствующим фактам.

право не подвергаться бесчеловечному обращению (нахождение лица в металлической клетке во время судебного заседания)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 29627/10 и по 8 другим жалобам по делу *«Коваль и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 5 октября 2021 года), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с нахождение одного из заявителей в металлической клетке во время судебного заседания.

Европейский Суд обратил внимание на то, что в делах *«Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации»* и *«Воронцов и другие против Российской Федерации»* он уже рассматривал вопрос об использовании металлических клеток в залах судебных заседаний и установил, что такая практика сама по себе является оскорблением человеческого достоинства и

равносильна унижающему достоинство обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции (пункт 216 постановления).

Рассмотрев все представленные ему материалы, Суд не нашел ни одного факта или аргумента, способного убедить его прийти к иному выводу по настоящему делу (пункт 217 постановления).

право на свободу и личную неприкосновенность (вопросы незапротоколированного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, разумные сроки содержания под стражей²⁵, неоперативное рассмотрение жалоб на решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и/или о продлении срока нахождения под стражей²⁶, право каждого арестованного быть доставленным в срочном порядке к судье)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам № 48053/06 и по 7 другим жалобам по делу «**Успанов и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 9 февраля 2021 году) (более подробная информация об этом постановлении изложена выше), № 8372/07 и по 2 другим жалобам «**Цуроев и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 8 июня 2021 года), № 29627/10 и по 8 другим жалобам по делу «**Коваль и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 5 октября 2021 года), которыми установлены нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным

²⁵ **Для сведения:** в 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права обвиняемого на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании суда* (за период с 1 января 2008 года по 31 января 2020 года).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/28713/.

²⁶ **Для сведения:** в 2016 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций Европейского Суда по правам человека в связи с защитой права лица на незамедлительное рассмотрение жалобы на постановление судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (либо о продлении сроков содержания под стражей), а также ходатайства об освобождении из-под стражи (пункт 4 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года)* (за 2010–2015 годы).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2016 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://supcourt.ru/documents/international_practice/26339/.

содержанием заявителей под стражей вследствие незапротоколированного задержания заявителей.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 28163/17 и по 3 другим жалобам по делу «**Никулин и другие против Российской Федерации**» (вынесено и уступило в силу 28 октября 2021 года), которым установлены нарушения пункта 3 статьи 5 «Право на свободу и личную неприкосновенность» Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с необоснованно длительным содержанием заявителей под стражей; пункта 4 статьи 5 Конвенции из-за неоперативного рассмотрения судом жалобы одного из заявителей на постановление о заключении под стражу.

право на справедливое судебное разбирательство в аспекте недопустимости использования доказательств по делу, полученных вследствие пыток, иного бесчеловечного обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов²⁷

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 48053/06 и по 7 другим жалобам по делу «**Успанов и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 9 февраля 2021 года) (более подробная информация об этом постановлении изложена выше), № 8372/07 и по 2 другим жалобам по делу «**Цуроев и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 8 июня 2021 года), № 29627/10 и по 8 другим жалобам по делу «**Коваль и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 5 октября 2021 года), которыми установлены нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с нарушением принципа справедливости судопроизводства по уголовным

²⁷ Как было отмечено выше, в 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с запретом использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://supcourt.ru/documents/international_practice/29220/.

делам заявителей (использование судом полученных в результате пыток доказательств)²⁸.

право на уважение частной и семейной жизни (вопросы осуществления контроля и записи телефонных и иных переговоров)²⁹

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 57143/11 по делу *«Гладкий и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 30 сентября 2021 года), которым установлено нарушение статьи 8 и 13 Конвенции в связи с применением негласных методов наблюдения в отношении заявителей путем прослушивания их телефонных переговоров, а также отсутствием эффективных средств правовой защиты от данных нарушений.

Заявители жаловались на то, что прослушивание их телефонных разговоров в ходе уголовного разбирательства, инициированного против них, нарушило их право на уважение их частной жизни, жилища и корреспонденции.

Суд повторил следующее – меры, направленные на перехват телефонных сообщений, представляют собой вмешательство в осуществление прав, изложенных в статье 8 Конвенции. Такое вмешательство приводит к нарушению Конвенции, если только не будет

²⁸ Как было отмечено выше, в 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с запретом использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://supcourt.ru/documents/international_practice/29220/.

²⁹ **Для сведения:** в 2017 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека, а также позиций, выработанных в рамках специальных процедур Совета ООН по правам человека. Защита права лица на беспрепятственное пользование имуществом, права лица на уважение частной (личной), семейной жизни и жилища, в том числе в аспекте обеспечения тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права лица не подвергаться дискриминации в рамках уголовного судопроизводства.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2017 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://supcourt.ru/documents/international_practice/26335/.

доказано, что оно осуществлялось «в соответствии с законом», преследовало одну или несколько законных целей либо целей, определенных во втором абзаце, и было «необходимо в демократическом обществе» для достижения этих целей (пункт 8 постановления).

Суд обратил внимание: в делах *«Быков против Российской Федерации»*, *«Ахлюстин против Российской Федерации»*, *«Зубков и другие против Российской Федерации»*, *«Дудченко против Российской Федерации»*, *«Москалев против Российской Федерации»* и *«Константин Москалев против Российской Федерации»* Суд уже устанавливал нарушение в отношении вопросов, аналогичных тем, которые рассматриваются в данном деле. В частности, в деле *«Дудченко против Российской Федерации»* неспособность внутригосударственных судов при санкционировании скрытого наблюдения в отношении заявителя проверить, имелись ли «обоснованные подозрения» в отношении него, и применить критерии «необходимости в демократическом обществе» и «соразмерности», привела Суд к выводу о нарушении права заявителя, изложенного в статье 8 Конвенции (пункт 9 постановления).

Рассмотрев все представленные ему материалы, Суд не нашел ни одного факта или аргумента, способных убедить его прийти к иному выводу относительно приемлемости и существования данных жалоб. Нет никаких доказательств того, отметил Европейский Суд, что какая-либо информация или документ, подтверждающие подозрения в отношении заявителей, были представлены в суды, которые санкционировали прослушивание телефонных разговоров заявителей. Также отсутствовали какие-либо свидетельства того, что эти суды применили критерий «необходимости в демократическом обществе» и, в частности, оценивали, были ли меры наблюдения, принятые в отношении заявителей, соразмерны какой-либо преследуемой законной цели. Таким образом, названные жалобы демонстрировали, с точки зрения Суда, нарушение статьи 8 Конвенции (пункты 11–12 постановления).

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами Организации Объединенных Наций, размещены по адресу:

URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека получены из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека. В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.